

ОКСАНА АКИНЬШИНА

Двадцатилетие фильма «Сестры» Сергея Бодрова — кинодебюта Акиньшиной — актриса отметила каскадом премьер: тремя сериалами («Контейнер», «Полет» и «Тhe телки»), а также фильмом-катастрофой «Чернобыль», где Текст КСЕНИЯ ГОЩИЦКАЯ, НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВА Фото ЯНА ДАВЫДОВА

Прошлый, 2021 год стал ударным по количеству премьер: у вас вышли фильм «Чернобыль», сериалы «Контейнер», «Полет», «Тhe телки», второй сезон «Беспринципных» — настоящий киноренессанс. Как справлялись с таким количеством съемок?

Самое удивительное, что ни один проект не наложился на другой, да я бы и не позволила себе переключаться между ними, иначе просто не смогла бы сделать свою работу хорошо. Очень люблю съемочный процесс, но сильно устаю, поэтому для меня идеально менять жанры. Сначала сняться в драме, потом в легкой романтической истории, где-то побегать-пострелять, потом снова драма — вот так было бы прекрасно. Потому что невозможно угадать, какой сценарий тебя больше опустошит. Например, мы снимали первый сезон «Контейнера»: ничего суперсложного, 50 смен, но я после них была настолько без сил, что не могла себе представить, что даже через неделю снова выхожу на площадку. Мне нужно время восстановиться и наполниться.

Полностью погружаетесь в роль? Вы требовательный к себе человек?

Да, и к себе, и к окружающим. Мне непонятно, если команда не болеет за дело, особенно в кинематографе. Я много видела случаев, когда участники выкладываются полностью, но еще больше, когда всем пофиг. Вообще для меня любая профессия подразумевает отдачу.

Но так было не всегда?

Я совершила много глупостей, относилась к работе халатно, что дало свои плоды. Во многом мне очень везло, но бывало и наоборот. Сейчас я стараюсь быть максимально ответственной.

Говорят, на съемочной площадке вас побаиваются.

Меня это искренне удивляет. Малознакомые действительно в каком-то напряжении, а те, кто меня давно знает, всегда

Прошел слух, что в последнее время вы

Прошел слух — уже хорошо. (Смеется.) Слушайте, я могу быть жесткой, могу четко сказать «нет». Есть те, кого эта черта радикально пугает. Я когда на съемки прихожу, бывает, вижу такие лица, как будто привидение приехало на площадку.

Вам от этого дискомфортно?

Еще как, потому что в таких реалиях невозможно быть расслабленной. Если кто-то нервничает, меня саму начинает замыкать, я же отражаю. Стараюсь быть милее, а людей это начинает пугать еще больше: «Господи, а почему она сегодня такая милая со мной? Ужас какой-то! Что я ей сделал?» (Смеется.) В общем, добро пожаловать

Вы пришли в киноиндустрию в тринадцать. Многие актеры, начавшие детьми, потерялись вместе с молодостью. а вы набрали новую высоту, сохранив бешеную энергию, которая сделала вас главной актрисой поколения нулевых.

Сейчас я этой энергией научилась управлять. Я ощущаю физически и эмоционально, как сильно выросла за последние четыре года, стала понимать, что именно я делаю, как и зачем. Думаю, это сочетание нескольких факторов – взросления, событий в мире и внутренней работы. Когда я начинала, то была совершенно незрелым человеком, да и индустрия была другой. Помню, на съемках «В движении» Филиппа Янковского все, в основном, веселились и тусовались. Настало другое время. Теперь это бизнес. Да и вообще, профессия подразумевает тяжелую работу. Это непростое искусство, если ты относишься к нему серьезно и современно, если ты человек, который умеет развиваться. К сожалению, таких людей очень маленький процент.

Как вы думаете, что двадцать лет назад на кастинге к фильму «Сестры» в вас разглядел Сергей Бодров?

Почему-то мне кажется, он увидел во мне себя: какое-то звериное чутье, органику, с одной стороны, очень зажатого человека, а с другой — очень открытого. Кстати, я недавно поняла, что мои дети не смотрели «Сестер», а они уже доросли до возраста, когда им можно показать этот фильм. Его ритм абсолютно отличается от ритма современного кино — и для детей он понятен, потому что все происходит медленно, они успевают за мыслью и сюжетом. Конечно, я переживала, было трепетно, но младшей с Диной (героиня Екатерины Гориной. — Прим. ред.) танцевали индийские танцы. Я, кстати, вообще не помнила этого момента. Возникло ощущение теплоты, связанное с тем временем, возрастом и обстоятельствами, которые мне были подарены.

Насколько для вас важен режиссер?

Принципиально важен! Мне некомфортно с режиссерами, которые специально выбирают сильный ансамбль, чтобы актеры работали сами по себе. Я теряю интерес. Люблю, когда режиссер работает с артистом, устраивает для группы читки, разбор сценария. Это сложные люди, но именно у таких я предпочитаю сниматься. Режиссер должен строить артиста, управлять им. И четко понимать, чего хочет. Иначе ничего не работает. Но, к сожалению, большая часть выбирает для себя другой путь. Мне от этого обидно. Не понимаю, почему почти никто не старается сделать лучше.

Кстати, почему?

Всем и так замечательно. Гораздо проще заработать деньги понятным способом, не выходя из этой самой зоны комфорта. Чисто теоретически артисты могут встречаться на разборы по личной инициативе, но у кого-то спектакль, кому-то лень, а кто-то уехал на Мальдивы. В американской индустрии много времени уделяют предподготовке, когда вся команда проекта несколько месяцев разбирает текст, читает, ржет, ест вместе. Это совсем другой энергообмен, формируется доверие в работе, что является гигантским подспорьем — к началу съемок ты уже все понимаешь. А у нас первые пятнадцать смен пытаешься просто въехать в процесс. Одинокая работа дома со сценарием никогда не даст тебе понимания, что реально будет происходить. А ни один российский продюсер не захочет вносить в смету дополнительные расходы, увеличивая тайминг. Но глобально дело в отсутствии таланта, желания и революционного. в хорошем смысле, огня внутри.

Хм, мне казалось, киноиндустрия растет! Ну, уже все, не дорастет никогда.

Черт, я надеялась на хорошие новости!

По сравнению с европейским и американским рынком, после февраля этого года нас откинуло в 1990-е. Это дико обидно, ведь мы были в шаге от того, чтобы стать относительно единым целым с мировой индустрией. С нами сотрудничали крупные международные платформы, уровень контента, который российские стриминги научились делать, был очень хорошим. Столько потрачено сил. А теперь мы не знаем, что будет завтра. У нас больше нет мечты.

Ваша фильмография — фантастический список классных режиссеров разных школ. Кто максимально круто раскрыл ваш актерский потенциал?

Никто не посвящает работе с артистами столько времени, как Данила Козловский. Очень редко, когда съемочная площадка дышит как один организм, пашет на все сто, вне зависимости от статуса или должности. На съемках «Чернобыля» мы все стали семьей, существовали на одной общей энергии весомый период времени. Это такие воспоминания, которые сложно быстро забыть и пережить. И героиня оказалась прямо моя, я хорошо ее поняла. Почти невозможно, чтобы артист полностью вжился в героя; так бывает к третьему сезону или продолжению фильма, что ты вдруг полностью врубился в тип мышления дочери безумно понравилась сцена, где мы своего персонажа. А тут я почувствовала характер уже на этапе сценария.

> Надо признать, актерско-режиссерский союз у вас с Козловским получился совершенно божественным, на абсолютной

Да, и я ему очень благодарна за эту роль, потому что прожила невероятное съемочное

Как очень красивой девушке, насколько вам важен оператор: хочется, чтобы камера вами любовалась?

Конечно, и я стала обращать на это особенное внимание. Операторы стали плохо снимать, появились прямо профнепригодные ребята. Я всегда проверяю, с кем мне предстоит работать. Хороший оператор — это всегда большая удача. Раньше было достаточно подмигнуть, чтобы ракурсы были получше, теперь так не получится. Вообще это важнейший союз: оператор должен выполнять задумку режиссера. В моем понимании, он тоже такая глина, из которой автор лепит свою картинку. А у нас бывает, приходит оператор, начинает качать права и снимает свое кино, а режиссер — вообще другое. Так не должно быть. Режиссер на плошалке главный.

ОСНОВАТЕЛЬ ФОНДА «АНТОН ТУТ РЯДОМ» И ЖУРНАЛА «CEAHC» ЛЮБОВЬ АРКУС СНЯЛА ЭПИЧНЫЙ — И НЕВЕРОЯТНО КРАСИВЫЙ! — ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ ОБ АКТРИСЕ АЛЛЕ ДЕМИДОВОЙ «КТО ТЕБЯ ПОБЕДИЛ НИКТО». ТИТАНИЧЕСКАЯ РАБОТА ЗАНЯЛА ПЯТЬ ЛЕТ. АЛЛА СЕРГЕЕВНА, ВАМ КРУПНО ПОВЕЗЛО!

Текст КСЕНИЯ ГОЩИЦКАЯ Фото ВИТАЛИЙ АКИМОВ

Режиссер Борис

Алла Демидова

Глава первая

Фильм-долгострой, фильм-призрак, или Почему труд над «Кто тебя победил никто» занял пять лет и стал энциклопедией эпохи 1960-1980-x.

«Я совершила роковую ошибку, не понимая, что такое актерская природа, точнее женская актерская природа».

Я руковожу благотворительным фондом по поддержке людей с аутизмом «Антон тут рядом», и важным источником зарабатывания денег для него являются аукционы. Светлана Бондарчук, Евгения Попова и Светлана Филатова придумали проект Action! аукцион, на котором продаются короткометражные фильмы, а вырученные деньги направляются в конкретный фонд. В 2014 году адресатом был «Антон тут рядом», и я договорилась, что работы для этого мероприятия подготовят Боря Хлебников, Леша Попогребский, Коля Хомерики. Я тоже решила сделать маленький фильм. В тот год мы по разным причинам очень близко обшались с Аллой Сергеевной Демидовой. Я придумала, что сниму, как Алла Сергеевна готовится к своему выступлению, она что-то мне расскажет, я включу фрагменты вечера и реакцию зала — и все это будет называться «Концерт». Я сделала этот фильм. Он длился десять минут. Его увидел Костя Эрнст (генеральный директор «Первого канала». — Прим. ред.) и сказал: «Такой Демидовой я нигде и никогда не видел, давай снимать полный метр». Надо сказать, Алла Сергеевна благосклонно отнеслась к этой идее. Ворчала, как обычно, проявляла свой довольно тяжелый характер, но она хорошо понимает нужды фонда: когда-то для одного из аукционов даже отдала мне шляпы Сергея Параджанова, которые он ей сделал. Я стала готовиться к съемкам. И совершила роковую ошибку, не до конца понимая, что такое актерская природа, а точнее женская актерская природа. Я никогда раньше не имела с этим дела: мой первый документальный фильм «Антон тут рядом» снимался четыре года методом наблюдения за героем и был смонтирован по законам художественного кино.

«Если вы почувствуете, что совсем не можете быть "другой Демидовой", сыграйте это!»

Перед съемками на свое горе я посмотрела сто двадцать пять телевизионных фильмов. сделанных по такому рецепту: небольшие интервью с какими-то критиками и актерами и сама Алла Сергеевна между пушкинским портретом и портретом Ахматовой примерно в одной и той же мизансцене рассказывает всегда одно и то же. К четвертому фильму я наизусть выучила набор классических баек: про Лилю Брик, про Мамардашвили, про Параджанова, про Высоцкого. Иногда все они звучали вместе, но в разной последовательности, иногда какой-то из сюжетов выпадал. «Алла Сергеевна, вы меня, конечно, простите, но в каждом фильме вы

того, с одинаковой интонацией». Она радостно согласилась: «Да! Мы с Володей (Владимир Валуцкий — киносценарист, муж Аллы Демидовой. — Прим. ред.) называли это "пластинками"! Так и говорили: придется опять запустить свои пластинки. Ненавижу журналистов! Всегда скучно, всегда потеря времени и вопросы глупые. Каждый раз не понимаю, зачем я согласилась, и сейчас не понимаю. Вдруг вы мне тоже будете задавать глупые вопросы». Я ответила: «Нет, я не буду. Но вы понимаете, что если вы из своего "образа" не выйдете, то фильма не будет. Будет сто двадцать шестая телепередача. Я отчитаюсь телеканалу за выделенные средства — и на этом всё». И вдруг она спросила совершенно беспомощно: «Люба, а что же нам делать?» — «Если вы почувствуете, что совсем не можете быть "другой Демидовой", просто сыграйте это». — «Интересно! Я попробую!»

говорите абсолютно одинаковые вещи, более

«Как я это выдержала? Никак. Выдержать было просто невозможно».

Ад начался на первой же съемке. Просто настоящий ад. Первое, что я услышала: «Какой стиль вы хотите? Я должна понимать, чтобы выбрать одежду». Я показала референс — финал фассбиндеровской «Тоски Вероники Фосс». Она посмотрела этот фрагмент и выдохнула: «Гениально! Люба, но это не моя квартира. Моя квартира — это быт,

чехлы в цветочек. Нам нужно надмирное пространство!» — «Алла Сергеевна, какое надмирное пространство? Утром приезжает оператор, он все оборудование заказал для квартиры — и свет, и камеры». Она отрезала: «Нет, в квартире сниматься не буду. Если бы вы мне не показали этот референс... Но вы же его показали!» Со мной в Москву приехала художник по костюмам Надя Васильева — помогать выбирать платья. Я говорю: «Надя, что же нам делать?» А она отвечает: «Я не знаю». Тогда я звоню Рустаму Хамдамову: «Рустамчик, что нам делать? Она хочет надмирное пространство!» Рустам говорит: «Я знаю. У меня есть такое пространство. Сейчас договорюсь», и дает адрес. Мы с Надей мчим на какие-то задворки Кутузовского проспекта, оказываемся в какой-то промзоне. А там огромный комиссионный магазин, набитый шикарной мебелью, банкетками, креслами, столами. Для понимания масштаба — там лежала маленькая кружевная салфеточка, которая стоила 55 000 рублей. Мы всю ночь сидели и ломали голову. что со всем этим делать, и решили накрыть эти завалы ампира и прочей роскоши белой тканью. Позвонили на «Мосфильм», согласовали 500 метров белой ткани. Дальше придумали свечи — утром поехали в «Икею» и купили их. Потом я позвонила Алексею Гориболю (пианист и музыкальный продюсер. — Прим. ред.): нужен пианист! Он нашел. Мы где-то заказали пианино — и настройщика к нему. Вечером приехала Алла Сергеевна, но я уже понимала: никакого нормального разговора в этом надмирном пространстве не будет, и заранее подготовила просьбу — прочитать с листа стихотворение Бродского «Осенний крик ястреба». Самое удивительное, что она согласилась. А если бы не согласилась, то никакого фильма бы и не было. В результате весь тот разговор, который у нас происходит на протяжении всего фильма, — это материал с пробы камер, как и диалог в машине, где она на меня ругается. Сами съемки получились ужасными, Алла Сергеевна парировала любой мой вопрос словами: «Госполи, какая глупость». Разговоры я придумала умные, и на всякий случай послала их своему другу Михаилу Ратгаузу (кинокритик и историк кино. — Прим. ред.), который что-то

там еще дописал. Но на любой заданный вопрос я слышала: «Люба, вам интересно монологами разговаривать? Этот фильм будет о вас?» Как я это выдержала? Никак. Выдержать было просто невозможно. На следующей съемке она нахамила мне так, что я остановила процесс съемки. Сказала, что больше не могу и съемок не будет. Она встала и ушла. Всё.

«Главное достижение этой работы интервью Майи Иосифовны Туровской и Вадима Моисеевича Гаевского. Про них в итоге получился отдельный фильм».

Несколько лет я не знала, что делать. Надо сказать, Эрнст совершенно покорно продлевал мне сроки и ждал, пока мы наладим общий язык, потому что «бесценный материал, и ты должна это закончить». Я поехала в Пермь и сняла комментарии Теодора Курентзиса, потом Боба Уилсона, Теодороса Терзопулоса. Анатолия Васильева и записала телефонный разговор с Кирой Муратовой. Но главным достижением я считаю интервью Майи Туровской за ним я ездила в Мюнхен — и Вадима Гаевского. Про них в итоге получился отдельный фильм, потому что в «Кто тебя победил никто» вошли крохи, а каждая из этих встреч длилась по восемь часов. Я выбрала из их интервью все об Анатолии Эфросе — это мой любимый режиссер, а они гениально о нем рассказывают — и сделала монтаж. Его можно посмотреть на chapaev.media онлайн-платформе нашего журнала «Сеанс». Когда Кирилл Серебренников увидел результат, то позвонил мне в полном восторге: «Дура! Это же полноценный фильм! Его должны увидеть все!»

Когда я показала Эрнсту выжимку со всеми комментариями о Демидовой, он сказал: «Мне не нужен фильм с говорящими головами. Мне нужен твой фильм». Тогда я пошла в архивы. Причем работала не только с официальными, но и нашла много частных. Самым большим и невероятным подарком стал архив студенческих работ ВГИКа: оттуда я взяла весь материал про Таганку закулисную. На финал было стихотворение Бродского, а еще я сняла фрагменты «Старика и моря» (моноспектакль Демидовой в театре им. Вахтангова. — Прим. ред.) — режиссер Анатолий Васильев ко мне хорошо относился и пустил с камерой в зал. Ну и всё, дальше я монтировала фильм.

Глава вторая

Чтобы снять фильм про человека, его нужно любить, или как из документального кино родился жанр трагедии.

«Это трагедия актера, который придумал образ и не смог из него выйти».

«Кто тебя победил никто» сделан на сопротивлении материала. Найти двух более непохожих женщин, чем я и Алла Сергеевна, просто невозможно. Мы полные противоположности: я — абсолютная

открытость, она — абсолютная закрытость. Я совершенно добродушный человек, правда, гневливый, но страшно потом извиняюсь. А девизом Аллы Сергеевны могли бы быть строки Бродского: «Мир, в который мы вступили, не имеет хорошей репутации». На самом деле произошла трагедия. Ведь Алла Сергеевна была со мной совершенно согласна, что нужен фильм без очередных ее «пластинок», более того, она хотела этот фильм, иначе бы не возилась со мной. Она хотела выйти из образа. но не смогла. И эта невозможность вылилась в страшную агрессию по отношению ко мне. Я ведь поставила четкую задачу, которая для нее оказалась невыполнимой. На удивление в фильме это считывается именно как трагедия актера, который себя придумал и остался в тисках этого вымысла. Ведь я знаю ее подлинную. Нет, не так, знать ее нельзя, можно только чувствовать и догадываться. И между этой подлинностью и маской — огромная дистанция. Это не тот случай, когда человек всех ненавидит. Это человек, который всех боится. Она свято верит во все, что себе придумала. Например, что ей очень нравится одиночество и ничего другого она не хочет. В ней и правда

достаточно смирения и терпения, потому что она никогда не жалуется, но ее жизни невозможно позавидовать, потому что она осталась абсолютно одна. Смерть Володи (сценариста Владимира Валуцкого, мужа Демидовой. — Прим. ред.) стала катастрофой и для нее, и для меня. Но у меня, кроме него, была жизнь: дети, фонд, журнал, друзья. У нее никого не было. Более того, она не понимала, что такое быт, как починить машину, где платят за квартиру, где нужно покупать продукты. Почему фильм посвящен Володе? Он то, что нас накрепко связывало. В первый год после его ухода мы с Аллой Сергеевной были все время на связи, нас объединила общая беда. Володю я любила всю жизнь, он был самым близким мне человеком. У них был странный брак, хотя он был ей преданнейшем мужем. Бывало, он летел в Шереметьево из Петербурга, чтобы ее отвезти домой после гастролей — он всегда ее встречал и провожал. Меня больше всего травмирует в людях, что они все время хотят жить по какой-то повестке, видеть по какой-то повестке и чувствовать по какой-то повестке. Вот брак: у всех есть о нем представление, а он может быть разный. Сколько людей — столько вариантов. Меня поэтому не устраивает

«Сейчас я понимаю, что сняла трилогию об аутистах. Первым был "Антон тут рядом", вторым "Кто тебя победил никто", и я только что закончила фильм "Колокольня. Реквием" про Балабанова».

никакое политическое устройство, потому что

ни одно из них не имеет в виду человека как

отдельную непохожую ценность.

Я же придумала ей: «Сыграйте! Сыграйте это!» Я подумала, что такая форма поможет ей сделать шаг, но не могла вообразить, насколько она замурована. И она была бы рада выйти, но выяснилось, что это уже невозможно. В этом фильме меньше всего меня занимал искусствоведческий контекст, хотя я подробно объясняю, какая Демидова актриса. Выдающаяся актриса. Она прошла через все эпохи, и рассказ через эти эпохи был важен для меня. Честно говоря, я хотела, чтобы этот фильм ей понравился, чтобы она была рада этому фильму. Я сказала Константину (Эрнсту. — Прим. ред.), что посылаю ей ссылку, и если она скажет «нет», то пока она жива, лента не выйдет. Она перезвонила через два часа и десять минут ровно столько идет фильм: «Люба, мне понравилось, но это же никто не будет смотреть!»

Терзопуло

Историк кино

Театральный и литературный критик Вадим Гаевский

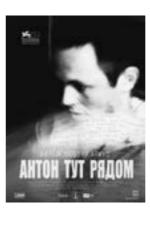

Режиссер Кира Муратова

Належал Васильева

Режиссер

ДЕТСКОЕ ФОТО Аллы Демидовой

логию об аутистах. Первым был «Антон тут рядом», вторым «Кто тебя победил никто», и я только что закончила фильм «Колокольня. Реквием» про Балабанова. Это монтаж из документальных архивных съемок и кадров последних лет Лешиной жизни, мы жили практически втроем, я помогала его жене Наде — умела с ним справляться. Как-то взяла камеру, а он сказал: «Снимай меня, Любовь». После 24 февраля я переделала начало фильма и записала от себя пятнадцатиминутный пролог. И теперь судьба проката мне не совсем понятна, потому что нужно быть сумасшедшим, чтобы показать этф, например, на «Первом канале». Антон, Алла и Алеша — это реально три аутиста. Проблема Антона в том, что он «душа на ножках», ничем не защищенная и полностью обнаженная. У него полностью отсутствует инстинкт социального самосохранения. Существует страшное заблуждение, что аутистам не нужны контакты с людьми. Для них единственная ценность — это коммуникация. Они хотят, но не могут: отсутствие возможности приобретения социальных навыков делает коммуникацию невозможной. Поэтому я разработала целую систему, в основу которой положила две вещи: социализацию и коммуникацию. Когда мы принимаем новых сотрудников в фонд, то прежде всего тестируем их на эмпатию. Человек вежливый, корректный, работящий, ответственный, но не эмпатичный не годится. Потому что прежде всего нужно уметь предъявить свою душу человеку и любой ценой войти с ним в контакт. Ничего более ценного нет. Ради тебя он будет обучаться, ради тебя он будет делать какие-то успехи вот ради этого контакта. У Аллы Сергеевны тоже нет социальных навыков, но, в отличие от Антона, она человек колоссального интеллекта и потому прекрасно мотивирует, почему ей контакты совершенно не нужны. И съемки для меня оказались травматичным опытом: она меня морально била, понимая, что я понимаю ее. А это было, с одной стороны, недопустимо, с другой — недостижимой мечтой. Желанием, которое уже никогда не осуществится. Она уже никогда не найдет близких отношений. Я звоню ей примерно раз в месяц, но если бы она со мной подругому разговаривала, я бы звонила ей каждый день. Я никогда не знаю, на что наткнусь: радостное «Здравствуйте, Люба,

А через полгода она написала мне, что мой

я рассчитывать на такое? Но это совершенно

не означало, что она не нахамила мне на пре-

фильм — «колоссальный труд». Могла ли

мьере. Сейчас я понимаю, что сняла три-

«Единственное, чем я спасаюсь всю жизнь, причем интуитивно — это сверхзадачи».

как вы?» или на то, что мне совсем неприят-

но будет услышать.

Я работаю с людьми по очень много лет, и у меня редко теряются или портятся отношения. В фонде многие работают с самого основания, и в «Сеансе» все ветераны. Одна из причин — моя эмпатичность, даже ту мач эмпатичность. Моя помощница Ирочка, когда мы садились в такси, всегда смеялась, потому что через пять минут таксист начинал показывать в телефоне фотографии своих детей, внуков и рассказывать мне всю свою жизнь. Или любой сосед в электричке. Мне страшно интересны люди, все! Для меня нет ничего более важного и ценного, чем человек. Иногда это играет плохую роль: человек

жалуется, а я моментально начинаю искать пути решения проблемы, что-то советовать, звонить по телефонам. А человеку не всегда это нужно, понимаешь? Человек просто хотел поговорить. Я абсолютно не могу просто послушать, это должно вылиться в действие. Я мир воспринимаю драматически - над этим иронизировала мой учитель Майя Туровская. Но она же признавала, что это топливо для моих проектов. Единственное, чем я спасаюсь всю жизнь, причем интуитивно, — это сверхзадачи. Я не могу просто выполнять задачу. Неинтересно. Я никогда бы не могла работать в банке или журнале Vogue. Другое дело — создать свой журнал «Сеанс» и делать его 30 лет. Издать более ста книг. Основать фонд и множество программ. Сделать фильм о Демидовой.

«"Терпеть не могу свое детство" ключевой момент фильма».

> Ключевой момент «Кто тебя победил никто», когда зритель должен все понять, — момент, когда Тарковский говорит: «Все, что я есть — это мое детство. Все, что я делаю, происходит из детства, и без детства я не мог бы быть художник<mark>ом».</mark> И следующий кадр — детская фотография Аллы Сергеевны, и она говорит: «Терпеть не могу свое детство, терпеть не могу его вспоминать». Детство — это когда тебя

любят. Потом по разным объективным причинам тебя любят всё меньше и меньше. Вот та безусловная любовь дает человеку запас прочности. Это мое мнение, я никому это не навязываю. Мое детство было наполнено очень трагическими моментами, рано умерли все близкие, кроме мамы. Но, повторю за Андреем Арсеньевичем, все, что я делаю, — это мое детство: любовь мамы, папы, бабушек, тетушек, подружек. Я плохо знаю историю папиной семьи. Мой дед был расстрелян в 1937 году, мы с двоюродным братом пытались найти информацию, но нас не допустили в архивы. Про бабушку свою Любу, в честь которой я названа, знаю чуть больше. Она десять лет отсидела в лагере и умерла в полном одиночестве на поселении. Я нашла ее переписку, и у меня много ее фотографий. Я родилась и выросла в настоящем европейском городе, в котором сохранился уклад Австро-Венгерской империи. Я только недавно поняла, что родилась в городе, в котором всего с десяток лет как закончилась война. «Здесь никто никогда не будет счастлив», - записала я в свою красную клеенчатую тетрадь примерно в том возрасте, когда все окрашено в романтические и преимущественно сумрачные тона, когда сладострастно думают о самоубийстве. Город назывался Львов. Я люблю его сейчас с той же силой, с какой когда-то хотела вырваться из него. Во Львове был гениальный театр, куда невозможно было достать билеты. В советское время было такое движение — СТМы, студенческие театры молодежи, — после окончания обучения многие актеры не хотели расходиться, и СТМы превращались в народные театры. И Львовский народный театр был на порядок лучше всех профессиональных театров. Нужно было прилагать какие-то усилия, искать связи, чтобы просто достать билет. В восьмом классе я посмотрела один спектакль, после него отыскала репетиционную комнату, ворвалась и сказала: «Вот я и пришла!» Эта фраза потом звучала в каждом капустнике. А я стала играть в театре наравне со взрослыми актерами. Любовь к детству и память о детстве для меня — единственное спасение. Когда Алла Сергеевна поведала мне о своем детстве, она и стала для меня трагической героиней.

«Мы ставим перед собой ЗАДАЧУ СТАТЬ ПОСТАВЩИком №1 инсулина в России В БЛИЖАЙШИЕ ДВА ГОДА».

Вы — предприниматель-визионер: двадцать ЛЕТ НАЗАД ИНВЕСТИРОВАЛИ В НОВУЮ ОТРАСЛЬ С СУПЕРвысокими рисками, а теперь — импортозамещение, ВАКЦИНА И ЧЕТВЕРТЬ ОБЪЕМА РОССИЙСКОГО ИНСУЛИНА. Почему именно фарма?

Это все мой фаталистический оптимизм. И он особенно ценен сейчас, когда весь бизнес в России находится под серьезным давлением. Думаю, последствия санкций и разорванных логистических цепочек мы ощутим осенью, пока же все работает по инерции — ты должен оставаться оптимистом, чтобы справиться.

Как вы справляетесь?

После 24 февраля я поставил перед собой и командой задачу: независимо от происходящего наше предприятие будет работать на полных мощностях, ведь ответственность перед пациентами возросла — инсулин должен быть доступным. Это не просто слова, а наша миссия. Не было времени на застревание в шоке, нужно было действовать: компенсировать поставки из Европы, задублировать все китайскими, индийскими, российскими продуктами. Надо отметить, не все так печально. До начала программы «Фарма-2020» (государственная стратегия, согласно которой доля жизненно важных лекарств отечественного производства к 2020-му должна составлять 90%. — Прим. ред.) в России фактически не было фармацевтической индустрии. Ни новых заводов, ни производства субстанций, ни биотехнологий. Пятнадцать лет назад государство тратило валютную выручку на покупку готовых препаратов: и жизненно важных, и всех прочих. Программа поставила задачу уйти от этой зависимости, локализировать производства и сократить отставание в фармацевтике. И отставание было — внимание! — сокращено. Это хороший пример совместной работы государства и бизнеса.

Какие проблемы отрасли не решены?

Нет отечественных интермедиатов. Это исходные химические вещества, которые используются для создания более сложных молекул. К сожалению, в России так и не смогли наладить их производство, хотя исходными составляющими являются нефть и газ. Это очень маленький бизнес, на котором трудно заработать, нужно иметь страсть к этому делу. То же самое касается и стекла. Стекольные трубки в фармацевтике используются для флакон чиков, картриджей, пробирок. Что нужно для их производства? Песок! И весь рынок занимают Германия и Япония. Но никогда не поздно осознать ошибки и принять меры сейчас, чтобы через 3-5 лет появилось новое направление в индустрии.

Изменилась ли стратегия «Герофарм»?

Мы ставим перед собой задачу стать поставщиком № 1 инсулина в России в ближайшие два года. И ожидаем, что реальный рост спроса придется на конец года, в цифрах мы увидим это только в 2023 году. Нас спрашивают: а вы готовы заместить на все сто процентов? Мы-то готовы, но по факту никто не приходит с новыми контрактами. Это, кстати говоря, характерная ситуация неопределенности, которую нужно решать. Ведь в случае форс-мажора невозможно моментально

перестроиться и масштабироваться. А производить товар на миллиарды, чтобы он просто лежал, мы не можем себе позволить, как коммерческая компания. Кроме того, у нас в разработке ряд препаратов, которые мы выпустим полным циклом. И заранее готовим сценарии на случай реального дефицита лекарств. Пока для него нет никаких предпосылок. И конечно, в планах была конкуренция на рынке Европейского союза, что сейчас невозможно представить. Но есть еще Африка, Ближний Восток. Ведем переговоры со странами Латинской Америки, но из-за логистики наша конкурентоспособность снижается.

Какова судьба исследовательских программ. ЕСЛИ УЧЕСТЬ, ЧТО ПОД САНКЦИИ ПОПАЛИ ПОСТАВКИ КАК ОБОРУДОВАНИЯ, ТАК И ВАЖНЫХ КОМПОНЕНТОВ ДЛЯ ЭКС-ПЕРИМЕНТОВ, НАПРИМЕР, РЕДКИХ РЕАГЕНТОВ.

С оборудованием сложно. Я думаю, оно по большей части будет недоступно, а значит все инвестиционные программы российской фармы нужно корректировать. У нас, например, заказано много единиц, но я не знаю, придут они или нет. Этот вызов пока не решен, будем искать аналоги российского или китайского производства. Так что говоря о развитии фармы, можно предположить: все будет медленнее и дороже. Несколько лет назад, во время визита в Иран, я увидел, что все оборудование на их фармпроизводстве — западное, несмотря на жесточайшие санкции. Они получают технику через посредников, поэтому все стоит в два раза дороже. Чтобы этот сценарий не стал нашим, от государства нужны решения, укрепляющие локальных игроков.

Давайте проговорим, что это за решения! Нужен комфортный климат для частной инициативы, которая сможет создавать отечественный продукт. Это и без санкций нужно было делать. Сейчас станут медленнее сами процессы разработки. Производство ведь либо работает, либо нет. Если задерживается хотя бы один ингредиент из ста, вы не можете стартовать. Будете ждать, пока привезут последний, и только тогда начнете. И если, допустим. в Калифорнии или Бостоне недостающие реагенты привезут в течение дня, то в России нужно все заранее спланировать, заказать — и они приедут в лучшем случае

Мы сталкивались со сложностями поставок на старте пандемии, когда останавливались заводы. Этот опыт не помогает?

через месяц, а может быть, и через три.

Да, логистические цепочки рвались из-за локдаунов, но разница в том, что тогда все поступали рационально, а сейчас — иррационально. Рынок не был фрагментирован

3ASSIECTIVITY *HA* 100 //PO*LLEH/* TOR?
//IKI // O/TORKI

на «наших» и «не наших», дружественных и недружественных, он был единым. Фактически весь мир реально распалается на фрагменты, на Запад и Восток. Из-за абсолютной иррациональности партнеров теряется доверие. Мы не можем полагаться на компании, которые сегодня поставляют, а завтра вдруг нет. Нашего сектора санкции не касаются напрямую, но российский бизнес и активы для всех западных компаний стали токсичными. Они готовы эти активы продавать за бесценок и уходить с рынка.

«Сейчас самое время для инвестиций в России, не-СМОТРЯ НА ВЫСОКИЕ РИСКИ».

Вы выросли в мультикультурной среде, после экономического факультета СПбГУ стажировались в Йельском университете. Насколько болезненна для вас отмена «русского мира»?

Мой бизнес и все активы связаны с Россией, поэтому меня не сильно это касается. Но я не очень понимаю, как мы из этой ситуации будем выходить. Не хотелось бы, чтобы санкции отменили на невыгодных для нас условиях. Для себя я принял решение, что скорее всего до конца жизни — а жить я собираюсь долго — будут санкции. Соответственно, все стратегии в отношении бизнеса, построения своей жизни и обучения, карьеры своих детей будут учитывать этот фактор.

Когда человек из фармы говорит, что он БУДЕТ ЖИТЬ ДОЛГО, ХОЧЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО УТОЧНИТЬ: вы что-то знаете? (Смеется.)

Конечно, существуют разные факторы, но если мы будем брать в расчет более внимательный подход к здоровью, популярность 30Жа, осознанность и достижения медицины, то, мне кажется, прожить до ста лет более чем возможно.

У вас в «Герофарм» устроена экспериментальная лаборатория. Булете проволить исследования в области продления жизни?

Нет, но мы выпускаем ноотропные и нейропротекторные препараты, которые связаны с ментальным долголетием. Медицина научилась продлевать работу органов и тканей, можно пересадить сердце и почки, сделать искусственные органы, провести генные терапии, но как быть с мозгом — непонятно. Представьте, человек здоров физически, но ничего не помнит, не ориентируется в пространстве.

Такое со мной было после ковида.

Во время и после ковида вам бы очень помог наш препарат.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ВЫ МОГЛИ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ ВОТ

Поздно мы с вами встретились. Кстати.

этот кабинет на заводе, где мы с вами сидим? Или ОГЛЯДЫВАЕТЕСЬ И ДУМАЕТЕ ИНОГДА: ВОТ ЭТО Я НАТВОРИЛ! Ничего из этого я даже не мог вообразить. Я был тогда студентом, имел небольшой доход тысяч в десять рублей в месяц, было где жить — и достаточно. Все начиналось как какая-то игра: здесь попробовать, там рискнуть. Разместили первый заказ лекарственного препарата на контрактную фабрику, стали продвигать, что-то получалось — и это было круто. Потом подумали: надо выходить на рынки стран СНГ. А дальше понеслось: а давайте завод построим! И построили, а затем второй. Все очень быстро развивалось, потому что у нас было и есть много идей. А сейчас самое время для

инвестиций в России, несмотря на высокие риски.

Как вы изменились за это время?

Во многом стал, конечно, сдержаннее и терпеливее. Наверное, тогда я бы не справился с сегодняшними сложностями. Сейчас мне хватило буквально три-четыре дня, чтобы восстановить самообладание, быстро выйти из стресса и искать новые возможности. В первые же дни кризиса нужно было быстро перестроиться из состояния апатии в конструктивное русло, которое позволяет принимать решения. Не могу же я, как руководитель предприятия, показывать, что я раздавлен. Как в самолете: сперва надень маску на себя, затем на ребенка. Я даже удалил соцсети, когда осознал, что они действительно мешают мне жить. Но не прячу голову в песок, как раз наоборот — вытаскиваю ее из мути. Постоянно находясь в информационном шуме, люди начинают принимать неадекватные решения. Не отвлекайтесь, концентрируйтесь на работе и занимайтесь спортом. В моем расписании каждый день зарядка и любые кардионагрузки: бег. плавание.

«Давайте делать так, чтобы БЫЛО КРАСИВО И КЛАССНО здесь. Чтобы было не стыд-

В юбилейный гол «Герофарм» запустил ПРОЕКТ **«20** ДОБРЫХ ДЕЛ**»** — И В ТОМ ЧИСЛЕ ВЫ поддержали нашумевшую выставку Recycle Group в ЦВЗ «Манеж».

Современное искусство — мое хобби. У «Герофарм» есть собственная коллекция, которая экспонируется и на заводах, и в офисах. В ней и Андрей Люблинский с «Красным человечком», и Петр Герасименко, и Константин Бенькович. сделавший нам «Мону Лизу» из стальных арматур. Работы Ростана Тавасиева «Капля креацина» и Анатолия Акуе — «Мудрость» и «Подношение методам» — висят в главном офисном холле. Со многими художниками я знаком лично. Когда директор «Манежа» Павел Пригара сказал, что готовит выставку Recycle Group, меня даже уговаривать не пришлось! (Смеется.) Их я поддержу сто процентов! Они крутые художники, суперталантливые ребята. Мы встречались еще на этапе подготовки выставки, они рассказывали, как все будет

выглядеть, показывали эскизы, делились идеями. Я, конечно же, купил две работы, одна из них — «Нулевая координата. Рассвет» — это шестнадцатиметровый лайтбокс, думаю, повесить его на ресепшне в новом офисе.

Как будто это еще и хорошая инвестиция.

Я надеюсь, что они будут дорожать, но это не главное. Это искусство, которое мне самому дико нравится. Есть, например, супермодное и точно инвестиционное искусство, но меня от него воротит какой смысл такое покупать? Я уверен. визуальная обстановка, которую ты формируешь вокруг себя, формирует твои поступки, взгляды на жизнь и даже планы.

С совриском понятно! Но в 2021-м вы подарили музею-заповеднику «Царское Село» прижизненный портрет Екатерины І.

Мы давно дружим с Екатерининским дворцом, и Ольга Владиславовна Таратынова однажды обратилась к нам с запросом выкупить у частного коллекционера живописный фрагмент XVIII века. И конечно, мы помогли — это наш себе подарок на юбилей. Для нас большое счастье поучаствовать в таком проекте — фрагмент отреставрируют и после выставят в отдельной экспозиции. Меня захватила история работы: этот прижизненный портрет Екатерины I был вырезан из большого полотна, где будущая императрица изображена в окружении других представителей рода Романовых. Это могла быть картина к коронации. И само полотно выглядит так, как будто его вырубили саблей. Есть версия, которая абсолютно ничем не подтверждена, но очень мне нравится своей драматичностью: что это сделал сам Петр I, вероятнее всего, из ревности. Конечно, это невозможно доказать, но легенда хороша! А вот подлинность картины доказана экспертизой Русского музея.

Что вам глобально хотелось бы оставить

Я бы хотел, чтобы кого-то вдохновил мой пример, чтобы кто-то сказал: «Я тоже так хочу» — и создал направление, которого раньше не было, как это когда-то сделал я. Надо менять сознание: раньше считалось, что нужно все деньги выводить в офшоры. Заработал, купил недвижимость за границей, отправил туда детей, а потом и сам уехал. Странная позиция. Глупость полная, мне жалко этих денег. Если бы мы любили свою страну, то не хранили бы миллиарды долларов в Англии, на Каймановых и Виргинских островах. Зачем их выводили? Кому теперь нужны все эти арестованные яхты? Я отношусь к этому с некоторым презрением. По факту, сначала предприниматели ограбили страну, а потом ограбили их. Грабь награбленное — вечный принцип. Обидно, конечно: мы могли бы уже жить, как в Дубае. Ведь для этого есть все возможности. Когда мы строили завод, то по максимуму подключили петербургские компании: генподрядчиком на строительство завода выбрали компанию «Стэп», разработку автоматизации технических процессов делали «Ракурс-инжиниринг», архитекторы из Komfort Buro спроектировали кафетерий, а из «Базис» — внутреннюю отделку производственного комплекca. У русского бренда PillBird мы недавно заказали дизайнерские халаты для сотрудников. Давайте делать так, чтобы было красиво и классно здесь. Чтобы было не стылно.